

Комментарии к письму Владимира Короленко

Одно из последних писем проживавшего в Полтаве В.Г. Короленко было отправлено в Одессу 6 сентября 1921 года. Его адресат — В.В. Туцевич, двоюродный племянник писателя. Письмо впервые опубликовано в юбилейном издании сочинений и писем Короленко (т. 10, с. 590-591, Москва, 1956 г.) и с тех пор не перепечатывалось. В письме выражалось соболезнование семьям Туцевичей и Мухиных в связи с кончиной главы семейства Владимира Каземировича Туцевича, двоюродного брата Владимира Галактионовича. Попутно затрагивался вопрос о судьбе поколения, конец жизни которого совпал с первыми пореволюционными годами. "Видно, приходит и на нас, людей того поколения, час расчета, — признавал автор письма. — Я несколько моложе твоего отца, но и досталось мне несколько больше, особенно в последние годы. Создалась такая традиция: что бы ни случилось — беги к Короленку. А в последнее время случилось разное". Как выяснится для широкого круга читателей много лет спустя, под "разным" имелся в виду террор — то белый, то красный, — из костра которого Владимир Галактионович чуть ли не ежедневно пытался выхватить человеческие жизни (см. "Книгу об отце" С.В. Короленко, Ижевск, 1968 г.).

Публикация письма снабжена примечаниями, в которых, к сожалению, допущены неточности и пробелы. Так, в дате смерти В.В. Туцевича неверно указан год — 1950-й. Установить происхождение ошибки сегодня почти невозможно. Но исправить ее необходимо во избежание повторения. Выполнить эту задачу помогают материалы архивно-следственного дела № 5422 из фонда прекращенных дел Архива УСБУ по Одесской области.

Дело открывается "Анкетой обвиняемого": Владимир Владимирович Туцевич родился 19 июня 1878 года в Кронштадте, русский, сын дворянина, со средним образованием. Арестовывался в 1931 году (статья 54-11 УК УССР) органами ГПУ, был освобожден. Снова арестован 11 марта 1938 года. Обвинялся по той же статье: "...В период гражданской войны активно выступал против Красной Армии и Советской власти. Последующие годы состоял членом контрреволюционной повстанческой офицерской организации, по заданию которой проводил контрреволюционную деятельность" (л. 8).

Вопреки характеру обвинения дело не является групповым. Послужной список В.В. Туцевича, приведенный в материалах дела, заставляет усомниться в справедливости обвинения, хотя и поражает своей необычностью:

1898 г. — февраль 1917 г. — подполковник царской армии;

февраль — октябрь 1917 г. — офицер для поручений начальника Одесского военного округа;

октябрь 1917 г. — апрель 1918 г. — служба в Красной Армии (начальник отдела артиллерийского снабжения Одесского военного округа);

апрель 1918 г. — март 1919 г. — полковник в войсках гетмана;

март — август 1919 г. — служба в Красной Армии (начальник канцелярии Одесского артиллерийского склада);

1919 — 1920 гг. — полковник армии Деникина;

1920 — 1922 гг. — служба в Красной Армии (начальник Одесского артиллерийского склада);

1922 — 1924 гг. — без определенных занятий;

1924 — 1930 гг. — деловод Одесской трудовой школы № 49;

1930 — 1938 гг. (по день ареста) — кассир Одесского консервного института.

Как видим, власти в Одессе менялись. В.В. Туцевич не покинул город ни с одной из них. Рискуя жизнью, он продолжал служить на самом опасном военном объекте, прилагая весь свой профессиональный опыт к его охране. Подобно В.Г. Короленко он при смене властей устанавливал контакт с любой из них во имя спасения жителей Одессы от катастрофы, которая могла последовать в случае попытки уничтожения начиненных смертоносным грузом складов.

Шло время. О заслугах демократически настроенных представителей предреволюционного поколения забывали. Все чаще вспоминали об их "социально опасных" чинах и званиях. Сначала Туцевича убрали с военного объекта, затем он был арестован в ходе очередной "зачистки". После двухмесячного пребывания под следствием в Одесском областном отделе ГПУ в 1931 году его освободили. То ли и впрямь установили его невиновность, то ли послужило щитом родство с писателем, чьим именем назвали в Одессе одну из центральных улиц, неизвестно. Во всяком случае, Туцевичу дали возможность просуществовать еще несколько лет. В 1938 году он попал в "общие списки", по которым арестовывали недобитых прежде "бывших людей", и на этот раз был обречен.

Было бы наивным полагать, будто протоколы допросов тех лет воссоздают картину следствия. И все же сквозь казенные, не всегда грамотные строки проступают, хоть и смутно, очертания поединка между ведущим допрос и допрашиваемым.

В деле В.В. Туцевича имеется всего лишь один протокол допроса, датированный 18 марта 1938 года. В нем зафиксирован отказ подследственного на начальной стадии дознания признать себя виновным: "Членом контрреволюционной организации я никогда не состоял и меня никто для контрреволюционной деятельности не вербовал" (л. 11).

Сотруднику УНКВД понадобится четырежды повторить фразу: "Требую от Вас искренних показаний", — прежде чем он услышит желаемое: "Да, признаю..." (л. 12). Трудно сказать, какая "мера воздействия" вынудила Владимира Владимировича оговорить себя. Для большинства заключенных решающей оказывалась угроза подвергнуть членов их семей тем же испытаниям, каким они подвергались сами. У Туцевича же за пределами тюрьмы оставались горячо любимые жена и дочь...

Все его последующие "признания" не что иное, как изобретенный им прием, посредством которого он надеялся убедить в своей невиновности тех, кто когда-нибудь, рано или поздно будет знакомиться с материалами дела. В 1956 году автор прокурорского протеста назовет показания В.В. Туцевича "неконкретными и по содержанию неубедительными" (л. 70). Только для следственных органов образца 1937-1938 годов мог показаться достоверным рассказ о том, как работник школьной канцелярии "объяснял ученикам", что "им нет дела до пятилеток" (л. 20).

На вопрос о количестве оружия, которым располагает порожденная воображением следователя офицерская организация, В.В. Туцевич дал столь же фантастический ответ: "500 винтовок и 10 пулеметов", и хранится этот арсенал "в подвале музея бывшего графа Потюцкого на улице Короленко" (л. 14). Видно, о многом передумал Владимир Владимирович, называя на допросе имя первого российского правозащитника...

В ответ на требование назвать фамилии соучастников Туцевич привел их довольно пространственный перечень, о котором в уже цитированном прокурорском протесте говорится: "Лица эти не установлены и не допрошены" (л. 64).

Граничит с анекдотом та часть протокольных записей, где следователь выясняет зарубежные связи "контрреволюционера". Владимир Владимирович признается в том, что состоит в переписке с Бонч-Бруевичем. В кругах советской интеллигенции это имя было достаточно известным: Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, бывший управделами СНК РСФСР, в 30-е годы возглавил Государственный литературный музей в Москве. В этом качестве он проделал огромную работу по собиранию рукописного наследия классиков. Он вел обширную переписку со всеми,

кто был хоть сколько-нибудь близок к русским (и не только) писателям. Вряд ли директор Гослитмузея обошел своим вниманием и семью Туцевичей. Для следователя из Одесского УНКВД Бонч-Бруевич был всего лишь носителем фамилии, звучащей на "заграничный манер", и он без колебаний внес его в перечень контрреволюционеров, руководивших из-за рубежа "повстанческой офицерской организацией".

Дабы создать видимость объективности расследования, по настоящему делу был допрошен свидетель — бухгалтер института, в котором В.В. Туцевич работал до ареста кассиром. Тот сообщил: "Припоминаю случай, когда Верховный суд СССР вынес приговор по делу врага Зиновьева, Каменева и Тухачевского и др., он вел контрреволюционные высказывания, заявляя не только мне, но всем сотрудникам, что же это за время настало? Кому теперь верить". Кроме того, Туцевич "очень интересовался международным положением о событиях в Испании и т. п." (лл. 4, 4 об.).

Показаний бухгалтера, по сути лишенных компромата, для следователя оказалось вполне достаточно, чтобы в обвинительное заключение внести еще одну статью: 54-10 УК УССР (антисоветская пропаганда). Фабрикуя этот документ (между прочим, без даты), он опустил сведения о службе В.В. Туцевича в течение трех лет в рядах Красной Армии. Впрочем, в нем все же было несколько слов правды: "Вещдоков по делу нет" (л. 37).

По решению "тройки" при УНКВД в Одесской области от 31 марта 1938 года Владимир Владимирович Туцевич был расстрелян в Одессе 7 апреля 1938 года, в 24.00 часа. Вдове казненного Ядвиге Александровне Туцевич в 1956 году сообщили, что ее муж умер от паралича сердца 19 июля 1941 года в местах заключения. Согласно директиве КГБ СССР от 24 августа 1955 года, никаких казней в 30-е годы не было. Всех репрессированных исправляли трудом в лагерях, а умирали они от разных болезней, обострившихся в связи с трудностями военного времени 1941-1945 годов. Новая ложь лишала верующих людей возможности помянуть своих близких в установленный обычаям день, а комментаторов изданий, где упоминались имена репрессированных, связанные с историей культуры, обрекала на искажение фактов.

Владимир Владимирович Туцевич реабилитирован 10 января 1957 года определением Президиума Одесского областного суда "за недосказанностью обвинения" (л. 71 об.).

***

В комментируемом письме Короленко упоминается имя Владимира Александровича Мухина, мужа двоюродной племянницы писателя. В примечаниях, о которых речь шла выше, указывается лишь степень его родства по отношению к главе семейства — В.К. Туцевичу. Между тем, по свидетельству Л.А. Новокрещеновой, это был человек, близкий Владимиру Галактионовичу по своей жизненной позиции (см. ее очерк "Неисповедимы пути Господни" в книге "Огонь Божественной Софии", — Одесса, 2002, с. 6). Последнее обстоятельство обязывает более полно представить личность В.А. Мухина. Источником сведений о нем послужило архивно-следственное дело № 10139 из фонда прекращенных дел Архива УСБУ по Одесской области.

Владимир Александрович Мухин родился в 1882 году на Кубани (станция Ключевская) в семье лесничего. До 1917 года — офицер царской армии, принимал участие в русско-японской и первой мировой войнах, был контужен. За проявленное мужество награжден Георгиевским крестом.

В 1920-1923 годах служил в Красной Армии на командных должностях.

В 1920 году в составе группы бывших офицеров и военных чиновников арестовывался органами ЧК как участник контрреволюционной организации. 21 января 1921 года после двухмесячного пребывания под следствием был освобожден из-под стражи по решению Цупчрезкома (Харьков). По дороге в Одессу без зимней одежды заболел воспалением легких, которое спровоцировало туберкулезный процесс. Из армии демобилизован по болезни.

Несколько лет занимался кустарным промыслом (плотничал).

В 1932-1937 годах преподавал военные дисциплины в вузах и школах Одессы, в которую переехал на жительство после женитьбы из Петрограда в 1917 году.

Повторно арестован 3 ноября 1937 года УНКВД по Одесской области. По решению наркома внутренних дел и прокурора СССР от 25 ноября 1937 года расстрелян 7 декабря того же года. Вдове, Ксении Владимировне Туцевич-Мухиной сообщили о том, что ее муж умер в местах заключения "от упадка сердечной деятельности" 9 октября 1942 года.

Подлинное архивно-следственное дело, заведенное в 1937 году в отношении В.А. Мухина, в областном, республиканском и союзном архивах не обнаружено. Восстановлено в 1958 году по инициативе вдовы репрессированного. В течение полутора лет следствие стремилось установить ха-

рактер преступной деятельности В.А. Мухина, но ни один из многочисленных допрошенных в 50-е годы свидетелей не обронил ни единого дурного слова о нем.

Б.П. Веселкин, например, сообщил: "Мухина я знал как хорошего человека, честно и добросовестно относившегося к порученному ему делу... Будучи преподавателем военных дисциплин, Мухин пользовался большим авторитетом среди студентов" (л. 33).

Из показаний С.И. Лищенко: "В отношении политических взглядов Мухина ничего предосудительного я сказать не могу. Каких-либо антисоветских проявлений с его стороны я не замечал. Как преподаватель Мухин соответствовал своему назначению, был грамотным и культурным человеком, к работе относился добросовестно, помогал товарищам..." (л. 41 об.).

Владимир Александрович Мухин, обвинявшийся в антисоветской агитации (ст. 54-10 УК УССР), реабилитирован определением Верховного суда УССР за недосказанностью предъявленного обвинения 14 ноября 1958 года.

***

В начале 1921 года в Полтаве органами ЧК был арестован зять Владимира Галактионовича Короленко и его секретарь Константин Иванович Ляхович. Заразившись в тюремной камере сыпным тифом, он умер в апреле того же года...

"Снаряды" рвались рядом с писателем и автором идеи НЭПа, высказанной в письмах к А.В. Луначарскому. От "прямого попадания" его увела смерть, наступившая 25 декабря 1921 года от воспаления легких.

В цитированных документах сохранены стилистические и орфографические особенности оригиналов.

